

ЛАПТЕВА О. А.

**О ЯЗЫКОВЫХ ОСНОВАНИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ
РАЗНОВИДНОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

И. С момента становления функциональной стилистики как науки о разновидностях литературного языка в конце 20-х годов вопрос о составе современного русского литературного языка разрабатывался как в плане теории, так и практически. Шло одновременное накопление новых фактов, характеризующих отдельные разновидности литературного языка, и их осмысление с точки зрения того, как они организованы в составе литературного языка. Несмотря на наличие большого количества впрочем весьма разнохарактерных по своим идеям исследований, спорных вопросов не становится меньше, начиная с главного из них — о числе и номенклатуре функциональных стилей. Активное собирание материала по новым для русистики, до недавнего времени не бывшим предметом наблюдения и специального исследования, но составляющим основу речевого общения областям устного функционирования литературного языка создало почву для обоснования в одном из последних трудов наиболее адекватной с точки зрения состава литературного языка теории о трех типах литературной речи — художественном, специальном и устно-разговорном [1]. Тем не менее расхождений не стало меньше, поскольку сам состав «специальных» стилей остается не до конца уточненным. Так, автор концепции о трех типах литературной речи включает в их число наряду с публицистическим еще и газетно-информационный, другие авторы увеличивают количество стилей до числа, превышающего пять¹, а Е. Ф. Петрищева справедливо указывает на большую близость делового и научного стиля [3].

Эти и другие имеющиеся расхождения, которые нет нужды подробно характеризовать, т. к. существует целый ряд специальных обзоров литературы о функциональных стилях, в том числе и зарубежных (назовем здесь обзоры Е. Ф. Петрищевой, М. Н. Кожинной, А. Н. Васильевой, А. Едлички, И. Мистрика, Кв. Кожевниковой), думается, обязаны своим возникновением тому обстоятельству, что у различных авторов нет единых оснований при выделении функциональных стилей. Не всегда основания одного плана выделяются и одним и тем же автором при характеристике разных стилей. Это побудило некоторых исследователей высказать мнение о некотором кризисе теории функциональных стилей и самого понятия «функциональный стиль»².

В самом деле, в основе выделения функциональных стилей в современной функциональной стилистике лежат прежде всего экстралингвистические категории. В первую очередь сюда относятся целеустановочные функции, выполняемые определенной разновидностью литературного языка при ее речевом употреблении, и ее тематико-ситуационные характеристики. Развитие теории функциональных стилей шло в первую очередь по линии конкретизации экстралингвистических факторов. Они детализируются, выводятся за рамки главных определяющих, и, например, А. Н. Василь-

¹ Из старых работ см., например, малоизвестную [2]. Из новых ср. работы А. К. Панфилова.

² См. [4; 5, с. 20, 21, 37; 6]. В устной беседе ту же мысль высказал проф. Вл. Барнет. Об этом же говорят заглавия последних работ по этому вопросу, где термину «функциональный стиль» предпочитают «функциональный тип» или «функциональная разновидность». Ср. также [22].

ева насчитывает их уже 14 [«речедятельностная макросфера, ведущие типы деятельности в этой сфере, ведущие типы мышления в этой сфере, ведущие актуальные коммуникативные задачи, типовой статус адресанта, типовой статус адресата, ведущие типы контактности, степень содержательной и формальной подготовленности речи, ведущая форма проявления языка (я не уверена, что это экстралингвистический фактор. — Л. О.), ведущие формы организации общения, ведущий тип атмосферы общения, удельный вес и характер стандартизованных ситуаций (содержаний), ведущие жанры речевых произведений и типы речевых тактик, потребности, возможности, характер использования невербальных компонентов общения] [7], причем этот перечень, конечно, остается открытым и не все его компоненты одинаково существенны для выбора типа речи. Исследовательское внимание обходит то обстоятельство, что разные экстралингвистические факторы не в одинаковой мере сопутствуют разным функциональным разновидностям языка: например, при выделении и градуировании устно-разговорных разновидностей приобретает особое значение ситуационные параметры, для книжно-письменных разновидностей они менее актуальны. Факторы функционального и тематического планов определяют основные механизмы пользования языком, имеющие двуединую, но противоположную направленность: это механизмы выбора и автоматизма при употреблении языкового средства.

Гораздо меньше в теории функционального расслоения литературного языка повезло тому, ради чего и возникла эта теория, — самим языковым средствам. Это, на наш взгляд, произошло потому, что экстралингвистические факторы признаются безусловно определяющими состав употребляемых в данной разновидности языковых средств и при этом их роль в данном процессе никак не градуируется. А между тем собственно языковые характеристики, вопрос о которых в силу общей теоретической неразработанности способов их системных соотношений в функциональных разновидностях сейчас приобретает особую остроту, в целом зависят от совокупного действия экстралингвистических факторов в их определенной соотношенности в каждом отдельном случае, но могут и проявлять известную самостоятельность и независимость, а действие самих факторов при этом ослабляется до пределов возможного минимума (ср., например, нейтральное общение общелитературными средствами). Это обстоятельство почему-то остается вне внимания лингвистов.

С другой стороны, одни и те же экстралингвистические факторы могут быть с равным успехом соотношены с разными функциональными разновидностями (так, ставшие уже всем привычными такие качества научной речи, как точность, последовательность, логичность, краткость, насыщенность информацией, в равной мере характеризуют и деловую речь), и, наоборот, изменение такого фактора может не повести к изменению функциональной разновидности (так обстоит дело в разговорной речи, где фактор темы может варьироваться практически без ограничений). Все было бы просто, если бы между факторами и языковыми особенностями наблюдались отношения одно-однозначного соответствия, но их нет. И это прекрасно показано в книге Д. Н. Шмелева.

Среди собственно языковых особенностей функциональных разновидностей исследователи вслед за акад. В. В. Виноградовым единодушно называют в первую очередь отбор (или набор) и организацию языковых средств (а Д. Н. Шмелев говорит о том, что организация превалирует над набором; см. [1, с. 81—82]), а также их системность (иногда звучит мнение, согласно которому стиль представляет собою замкнутую систему). Это, конечно, так, и установление этих истин — большое достижение нашей науки, но тут остаются по крайней мере два вопроса. Отбор может производиться из какого-то общего для всех стилей запаса, а набор — это уже что-то свое, в которое, однако, могут входить и общие для всех стилей элементы. Таким образом, отбор и набор не исключают друг друга. Кроме того, замкнутость системы — понятие само по себе для языка не достаточно ясное, но даже если его и принять, то придется признать, что степень закрытости/открытости системы у разных стилей может быть

различной. Таким образом, все эти характеристики нуждаются в дальнейшей разработке.

Они нуждаются в разработке и в другом плане, связанном с установлением внутренней иерархии в пределах самих функциональных разновидностей. Не до конца остается выясненным вопрос о соотношении так называемых языковых и речевых стилей. Существуют и более мелкие единицы — речевые жанры. Основания для их выделения нуждаются в прояснении. Видимо, исходя из общих принципов иерархии единиц, можно было бы предположить, что в более крупных единицах — языковых стилях — сильнее моменты, определяющие возникновение и функционирование определенных наборов средств и в связи с этим сильнее системность. В более же мелких единицах должны актуализироваться моменты организационно-композиционного характера и соответственно ослабевать системность. Однако в нашей теории эти вопросы рассматриваются иначе, и ведущего принципа установления системы взаимоупорядоченных единиц найти не удается. Так, например, М. Н. Кожина говорит (в полном соответствии с тем, что высказанной мыслью) о преимущественно лингвистическом характере речевых стилей в отличие от языковых, однако о системности высказывается прямо противоположно: «системность, по-видимому, реально существует именно в стилях речи» [8]. Что касается жанров (ср., например, жанр делового и дружеского письма и письма на интеллектуализированную тему, а также письма бытового), то они находятся в отношениях не только иерархической подчиненности к речевому стилю (эпистолярный стиль), но и отношениях перекрещивания с языковыми стилями (отчасти это можно сказать и про речевой стиль); соответственно осуществляется и выбор языковых средств из имеющегося арсенала, и их компоновка.

Механизм выбора языкового средства и его автоматизированного употребления также осуществляются неодинаково в разных функциональных разновидностях. Чем жестче внутривидовая норма, тем сильнее автоматизм в употреблении языкового средства. Чем выше эстетические задачи речи, тем большее значение имеет выбор. Автоматизм почти безраздельно господствует в специальном типе литературной речи, если пользоваться терминологией Д. Н. Шмелева (т. е. в научной, технической и деловой речи), выбор — в речи художественной. В разговорной сочетается то и другое. Предстоит определить характер этого сочетания. Положение осложняется и существованием гибридных, промежуточных областей литературного языка, в которых совмещаются характеристики основных функциональных разновидностей.

Конечно, установление процессов действия экстралингвистических факторов весьма важно для понимания структуры и состава современного русского литературного языка. Однако адекватность теории языковой действительности, как представляется, никогда не станет полной без разработки первоочередного в этом отношении вопроса о соотносительности языковых средств в функциональных разновидностях литературного языка и их типологии.

II. Попытка установить такую соотносительность была сделана нами в статье [5]. Там была высказана мысль об участии общелитературных языковых средств в функциональной дифференциации литературного языка посредством разного коэффициента допуска их в разные его функциональные разновидности. Д. Н. Шмелев, показав принципиальное отсутствие закрепленности большинства языковых средств за той или иной функциональной разновидностью, установил существование трех групп языковых единиц: не характерных для стиля, но не нарушающих его норм; свойственных данному стилю в отличие от других; различающихся по стилям своей экспрессивно-стилистической значимостью [1, с. 97]. Третья группа выделена по иному основанию — с точки зрения собственно стилистических свойств языкового средства, а первые две полностью отвечают постулированному акад. В. В. Виноградовым взаимодействию книжно-письменных и устно-разговорных языковых средств как основе для наиболее существенной дифференциации литературного языка. Он писал о «глубоком различии между речью разговорной и речью письменной» [9].

Таким образом, постулируется наибольшее значение для функциональной дифференциации современного русского литературного языка двух диаметрально противоположных по своим признакам родов языковых средств — книжно-письменных и устно-разговорных. Это бинарная соотношенность, но чаще они как средства маркированные соотносятся не непосредственно между собой, но через посредство общелитературных элементов, свойственных всем функциональным разновидностям. Ведущая роль двух основных групп маркированных средств проявляется не только в противопоставленности книжно-письменной и устно-разговорной сфер литературного языка, но и в том, что и внутри самой книжно-письменной сферы, по интересным данным А. П. Сквородникова, наблюдается ведущее противопоставление объединения научной и деловой речи (специальный тип, по Д. Н. Шмелеву) речи художественной, научно-популярной и публицистической, которое создается за счет степени использования разговорных элементов (от 0 до n) [10].

В идеале можно представить себе описательную грамматику современного русского литературного языка, состоящую из представления соотношения и взаимодействия названных разрядов языковых средств [11]. В этом случае функциональная стилистика и описательная грамматика сольются, а новый тип описания будет иметь функциональную направленность и отразит функционирование языка в речи. Теоретическое и практическое значение такого описания не надо специально обосновывать [12]. Следует заметить, что в настоящее время развитие грамматической мысли идет в сторону усиления функционального аспекта исследования, и, например, разработка семантического синтаксиса уже имеет широкий выход в практику преподавания русского языка как иностранного. Изучение реального речевого функционирования языковых средств и их соотношения даст возможность классифицировать языковые стили, которые являются недискретным объектом с условными границами, по достаточно надежному основанию.

Распределенность разрядов языковых средств по функциональным разновидностям зависит от взаимодействия стихий книжности и разговорности. Неполная их представленность, различная распределенность как со стороны номенклатуры, так и со стороны их функций и языковых значений создает различия в их системной организации в пределах этих разновидностей. При этом в каждой разновидности может быть принципиально выделено два рода системности в зависимости от учета места в системе (или неучета его) общелитературных средств. Под системной организацией функциональной разновидности можно понимать организацию только ее специфических языковых элементов (как это делается, например, в [13—16]), а можно и всех употребляемых в ней элементов вместе с общелитературными (примером может служить описание системы способов разговорного словорасположения в атрибутивном словосочетании с согласованным определением [17], в которую можно включать три члена — контактную постпозицию одиночного согласованного определения, его дистантную постпозицию и дистантную препозицию, а можно включить еще и четвертый член — общелитературную контактную препозицию).

Наконец, следует учитывать еще и то, что в каждой функциональной разновидности может быть выделен актив и пассив языковых средств. Пассив составляют неспецифические для данной разновидности средства, а актив — специфические. Специфические ограничения в узусе в данной функциональной разновидности не подвергаются. Неспецифические с точки зрения возможного допущения в нее делятся на две части. Одни из них в ней вовсе не употребляются. Другие в реальном избирательном употреблении подвержены ограничениям со стороны их форм и значений и могут наряду со специфическими составлять актив. Именно этот разряд средств наиболее важен для функциональной дифференциации «гибридных» сфер литературного языка. Границы между ним и специфическими средствами неабсолютны. Например, ограничения, налагаемые на систему употребления глагольных времен в научной речи (общелитературные средства, неспецифические для данной разновидности), могут быть столь последо-

вательны и однозначны (в тексте типа «описание» употребляется настоящее время, в типе «повествование» — прошедшее, а будущее не употребляется совсем; подобным образом обстоит дело и с категорией лица и т. п.), что превращают эти средства в специфическую приметку функциональной разновидности (т. е. в актив).

Итак, общелитературное языковое средство — понятие не только реальное (а в его реальности нельзя усомниться из-за единства литературного языка, создаваемого за счет общелитературных средств), но и виртуальное (виртуальность создается за счет разного коэффициента допуска общелитературного средства в функциональные разновидности и за счет его функционального преобразования в них) и потому диалектическое. Общелитературное языковое средство имеет принципиальный допуск во все функциональные сферы, но практически входит в них с ограничениями.

III. Проиллюстрируем изложенные положения на материале новых для нашей русистики фактов устной спонтанной монологической речи публичного назначения и общественно значимой ориентации (далее УПР). Проследим за представленностью в ней общелитературных, книжно-письменных и разговорных средств и одновременно сделаем наблюдения над ее функциональной природой в качестве разновидности современного русского литературного языка на основании изложенных соображений. Особый интерес этот тип литературной речи представляет для исследования и интерпретации в силу своего гибридного характера: в нем пересекаются в известном соотношении особенности спонтанной устной и книжно-письменной речи. Такое пересечение ведет к складыванию свойственного лишь этому типу способа соотносительности разрядов языковых средств, которым определяется системность его организации. Представляется возможным выделить актив составляющих его средств и проследить, какую роль играют в нем общелитературные средства и каков характер налагаемых на них в узусе ограничений. Можно отметить и разный характер проявления экстралингвистических факторов.

Особенности УПР были обследованы, изучены и описаны коллективом советских и чешских русистов, работавших в 1975—1982 гг. при Институте русского языка им. Пушкина под руководством автора настоящей статьи. При этом вводилось тематическое ограничение материала — изучалась естественная звучащая речь разных жанров на темы науки (далее УНР)³.

В области фонетики особенно сильно действие устной формы осуществления речи. Общелитературный способ членения речевого потока на интонационно-смысловые единицы — синтагмы — уступает здесь место собственно фонетическому членению на так называемые сегменты [18—19], которые находятся в определенных отношениях со смысловым членением текста. Обращенность к адресату требует донесения опорных смысловых элементов текста с помощью комплекса произносительных средств (акцентно-мелодического выделения слова, паузации, темпа речи). Материалы УНР, согласно исследованию Т. П. Скориковой, широко демонстрируют случаи несовпадения членения спонтанной речи с правилом нормативного синтагматического членения, которое основано на единстве интонационных, синтаксических, семантических факторов вычленения минимального речевого отрезка. Интонационному объединению слов в одной синтагме содействуют структура предложения, порядок слов, степень распространенности члена предложения, наличие перечисления, синтаксическая сочетаемость слов, сила синтаксических связей между словами. Членение обычно проходит в местах разрыва или ослабления линейно-грамматических связей слов. Для спонтанной речи, напротив, характерна асимметричность отношения строевого (семантико-синтаксического) и интонационного планов высказывания: члены одного синтаг-

³ Готовится к печати монография «Современная русская устная научная речь» в 4-х томах [т. I — Общие свойства и фонетические особенности; т. II — Синтаксические особенности; т. III — Текстовые, лексико-грамматические и словообразовательные особенности; т. IV — Тексты (хрестоматия)].

матического целого могут выступать в виде самостоятельных звуковых сегментов и, напротив, один звуковой сегмент способен объединять самостоятельные смысловые целые.

При изучении типов произношения в УНР (исследование В. В. Борисенко) обнаружилось, что здесь представлена система соотношений не двух — полного и неполного, или нейтрального и убыстренного — типов произношения, а трех — убыстренного, свойственного разговорной речи, нейтрального (общелитературного) и замедленного, маркированного и, по Щербе, нагруженного особым заданием сделать речь «особо отчетливой». Противопоставленными типами, соотнесенными не только по материальному воплощению, но и по функциям, являются убыстренный и замедленный типы. Убыстренный тип проявляется в особом способе реализации фонем и их противопоставлениях и наблюдается в любом жанре и у любого говорящего прежде всего в частотной лексике типа *значит, ну, вот, так сказать, следовательно, вещь, в общем, сейчас, может быть, скажем, все-таки, собственно, действительно, конечно* и под. Мы встречаемся с ним в повторах, в малоинформативных сегментах, в инклюзиях, поправках, вставках, дополнениях, элементах с избыточной грамматической информацией (в результате чего возникают фонетические омофоны и в окончаниях слов). Замедленный тип также проявляется в свойственном только ему способе реализации фонем и наблюдается как ударение на служебных словах, в виде добавления редуцированного к предлогу, как отсутствие ассимиляции на стыке предлога и слова, как добавочное ударение внутри слова, в отсутствии редукции безударных слогов, установке на зыбкие гласных, долготе удвоенных согласных, растяжке ударного гласного и слова, вставке гласного в группу согласных с сонорным. Функции замедленного и убыстренного типов четко взаимно соотнесены: выделение противопоставляется снятию информативности, ознакомление со словом — сигналу о его предшествующей названности, привлечение внимания к наиболее информативной части — нейтрализации части информации, передача сильной позиции во фразе — слабой позиции и некот. др. Таким образом, общелитературные и разговорные произносительные особенности претерпевают в УНР ряд превращений и совместно со специфическим для УНР замедленным типом вступают в достаточно определенные системные отношения.

В УНР наблюдаются свойственные только этому типу речи способы и функции акцентного выделения (исследование Т. М. Николаевой). Их можно рассматривать как факты замкнутой системы, существующей внутри себя, — так удобнее выявить общую схему формально-смысловых отношений, передаваемых акцентами. Экстралингвистическими факторами, воздействующими на складывание этой схемы, являются функции адресации речи и речевого воздействия. Модель функциональных подчеркиваний в УНР основывается на выделенности служебных и незначащих слов, на формировании опорных точек текста и на квалификативной функции. Для УНР характерно наличие класса постоянно акцентируемых слов. Как и разговорная речь, УНР вообще отличается обилием акцентно выделенных слов. Вопреки ожиданиям, служебные слова получают здесь возможность выделения наряду с полнозначительными. Таким образом, рассматриваемое явление обнаруживает признаки системности, отчетливо отличающие его от соответствующего явления в репродуцируемой речи. Наряду с общелитературными средствами акцентного выделения (например, нахождение опорных точек информативного характера) здесь есть и специфические (например, выделение служебных слов).

Понятно, что для области фонетики нахождение в УНР книжно-письменных элементов неактуально, поскольку книжно-письменная речь не предназначена для озвучивания, а если озвучивается, то общелитературными средствами. Для лексики же и особенно для синтаксиса одинаково актуально сравнение с аналогичными явлениями в разговорной и книжно-письменной речи.

Так, для л е к с и к и сравнение с книжно-письменным пластом, видимо, следует начать с терминологии, необходимого и неотъемлемого компонента

письменной научной речи (далее ПНР). Как показывает К. Хлупачова, устная форма не ведет к заметному снижению специальной терминологии и номенклатурной лексики (ср.: *оборачиваемость средств, тренировочные упражнения, корреляционный анализ, болезнестойчивость растений, парк машин, перевооружение предприятий*, а также однословные термины и, с другой стороны, несколькословные вроде *карты обеспеченности нормативно-техническими документами производстве, уровень обеспеченности стандартами технологии производства электрических машин малой мощности*), что отвечает потребности научной речи в максимальном насыщении высказывания информацией, однако при построении текста часто используется такой способ, как анафорическое именованное и местоименное замещение наименования. Другая часть книжно-письменной лексики в принципе, как и в любой научный текст, может входить в текст УНР без особых ограничений. Это происходит благодаря действию требований выполнения этим типом речи научно-информативной функции. И все же в УНР отмечаются особенности в использовании этой группы лексики по сравнению с ПНР. Так, наиболее распространенные в ней двух- и более словные номинации с существительным — опорным словом короче, чем в ПНР, и количественно представлены меньше. Цепочка генитивов чаще всего ограничена числом 3 (в текстах ПНР она доходит до 7 членов). Отработанные в письменном тексте союзные средства связи предложений в УНР представлены с большими ограничениями, здесь в большей степени используются общелитературные средства.

Выполнение функций адресации и воздействия обуславливают широкое привлечение в УНР стилистически сниженной, разговорной, оценочной лексики. Можно с уверенностью говорить о значительно большей лексической гомогенности текстов ПНР сравнительно с УНР. Разговорная лексика здесь может быть или не быть стилистически маркированной. Мы полностью разделяем мысль и наблюдение Д. Н. Шмелева относительно того, что реальная функциональная дифференциация русской лексики не соответствует разнообразным и пестрым словарным пометам и что слова с пометой «книжное» свойственны и художественной, и разговорной речи, а слова с пометой «разг.» зачастую оказываются общелитературными [1, с. 85, 88, 89 и др.]. И все же для удобства анализа мы выделяем здесь разговорную лексику по одному признаку — как такую, которая никогда не может быть допущена в письменный научный текст (в отличие от общелитературной, которая может). В УНР используются живые метафоры-олицетворения, метафоры-характеризации (исследование К. Хлупачовой) (ср.: *может так случиться // что у некоторого языка / который в общем-то переводный / вдруг и вь с к о ч и т своя собственная / национальная / грамматика /; тексты художественной словесности / как мы уже много раз тут говорили / тексты такие ф а р ш и р о в а н ы е / Где всякий пишет что загощет в общем говоря /; под эту категорию / под нее сейчас / под эту общую к р ы ш к у / подводят три разных понятия*). Здесь много фразеологизмов, экспрессивно-разговорной лексики (*быстренько, переборщить, очень здорово, обсасывать и сосать*). Н. М. Разинкина показывает, что экспрессивно-эмоциональные качества УНР в отличие от ПНР высоки, и это необходимо для выполнения функций общения и воздействия. Круг соответствующей лексики составляют общелитературные прилагательные и наречия оценочного характера, а также некоторые существительные, прономинализированное разговорное употребление слов *вещь и штука*.

Что касается общелитературной лексики, то она, как и в письменном научном, в устном научном тексте составляет большинство слов. Особенность УНР состоит в том, что на базе общелитературной лексики здесь возникают свойственные лишь УНР частотные формулы-стереотипы для обслуживания определенных интенций адресанта речи по отношению к адресату (исследование Т. Д. Соколовской). Вместо письменного научного *как указывалось* для отсылки к прошлому изложению употребляется *о котором я вам уже говорил; я вам уже говорил, что; вы знаете, что; вспомните, мы с вами уже говорили; как вы уже знаете*. При отсылке к будущему

изложению на месте письменного см. §, подробнее об этом см. ниже складываются формулы *подробнее об этом я вам расскажу позже, подробнее мы с вами об этом поговорим позже* и под. При указании на последовательность изложения на месте письменного рассмотрим, во-первых, во-вторых, итак, таким образом возникает *благодарю за внимание, на этом разрешите закончить, теперь я перехожу, теперь я вам расскажу, сейчас мы с вами перейдем, на сегодня все* и под. Употребляются и формы повелительного наклонения (общелитературные, но ПНР не свойственные). Общелитературные способы выражения авторского «я» в тексте УНР, по наблюдениям Ю. Г. Ясницкого, сводятся к местоименно-глагольным способам выражения оценки и мнения, личной деятельности автора речи. Отмечается неодинаковая распределенность средств выражения авторского «я» в ПНР и УНР: в письменной речи преобладают неличные конструкции, в устной — местоименно-глагольные формы 1-го л. ед. ч. Таков избирательный характер в употреблении общелитературных лексических средств и налагаемых на них в УНР ограничений.

Исследование Д. Брчаковой показывает, что в тексте УНР широко используются общелитературные средства связи пар предложений. Специфические черты УНР представляют собою ту или иную комбинацию отобранных общелитературных средств. К. Хлупачова показала, что в качестве средств связи в УНР используются, например, семантические повторы (*очень часто / почти всегда; удивительной / феноменальной / памяти; сознательно / намеренно; главным образом / преимущественно* и под.), синонимизирующие средства, средства выражения контраста. Все эти и подобные средства строятся на базе общелитературных элементов, обнаруживающих избирательную узуальную закрепленность за УНР. Подобным же образом организуются средства выражения модуса в диалоге (исследование Л. Рейманковой), которые беднее, чем в обработанном письменном диалоге (художественном), но узуально закреплены. То же можно сказать и о других средствах.

Названные и подобные лексические элементы книжно-письменного, разговорного и общелитературного характера частотно отработаны в УНР и образуют определенную систему, находясь в отношениях взаимодействия, взаимосоотнесенности и взаимообусловленности. Все они находятся в активе УНР (а те элементы, которые находятся за пределами системы и которые в ней обычно узуально не представлены, могут считаться пассивом). Поэтому мы не можем, как это делают некоторые исследователи, говорить об «иностилевых вкраплениях» в УНР. Думается, что критерий их отграничения от системно организованных и узуально закрепленных в функциональной разновидности языковых средств только тогда будет найден, когда будет доказан их внесистемный характер. Пока же такой критерий не назван.

В области синтаксиса наблюдаются принципиально те же отношения разрядов средств, что и в области лексики.

Если обратиться к представленности в УНР таких центральных для синтаксической системы общелитературных явлений, как структурно-семантические типы простых предложений, структурные типы сложносочиненных предложений, структурные типы сложноподчиненных предложений, а также глагольный или глагольно-именной способы выражения грамматического предиката, то окажется, что все они характеризуются своими особенностями, связанными с ограничениями в представленности самих типов сравнительно с их употреблением в ПНР, а также с излюбленностью некоторых из типов.

Согласно исследованию А. Ю. Константиновой, структурно-семантические типы простого предложения в УНР (тексты из самых различных дисциплин) делятся на макрополе динамики, включающее поля движения и действия, и макрополе статики, включающее поля квалификации, наличия, отношения и модальности (поля делятся в свою очередь на микрополя); при этом в количественном отношении преобладает макрополе статики. В поле действия преобладают структуры, в которых действие представлено как направленное на объект. Для них характерно актуальное упот-

ребление глагольного времени, в то время как в ПНР в соответствующих структурах преобладает вневременное значение этой категории. В УНР не отмечено случаев употребления настоящего абстрактного, образительного и исторического, настоящего в значении будущего, переносного употребления формы прошедшего и будущего, что широко представлено в общелитературной системе времен. Модальная парадигма в отличие от общелитературной также представлена не в полном своем объеме. Кроме индикатива, наблюдаются лишь формы повелительного наклонения, причем только одного типа: 2-е л. мн. ч. спрягаемого глагола. Весма слабо (1%) представлена вопросительность и отрицательность. Поле движения малочисленно, а с точки зрения формальной выраженности характеризуется использованием только форм 3-го л. в индикативе и актуальным употреблением времен. Поле квалификации очень продуктивно, причем в УНР сравнительно с ПНР представлены иные виды квалификаций: нет предложений конструктивной характеристики (даже значения «иметь часть», «состоять из частей», «входить в состав» не получают заметного представительства), полностью отсутствуют предложения квалификации предмета со стороны его исполнения в материале, подверженности различным влияниям, зато очень заметны предложения оценочной квалификации, а также квалификации явлений со стороны их сущностных характеристик. Предложения количественной характеристики предстают с семантикой, в которой количественный признак выступает не сам по себе, а как компонент характеристики по сущности. Самое многочисленное микрополе — свойства, преобладают глагольные модели с семантикой не действия, а признака. Употребляются только формы индикатива настоящего времени. В отличие от ПНР в УНР представлено поле посессивного наличия. В каждом из микрополей имеются свои преобладающие типы формального выражения. При изучении поля отношения обращает на себя внимание отсутствие простых предложений сравнения и то обстоятельство, что предложения этого поля могут нести на себе печать личностного отношения (квалифицирующего или классифицирующего).

Среди сложносочиненных предложений открытой структуры (исследование М. Ю. Федосюка) преобладают соединительные с замыкающими союзами *и* или *а*. Многие из них в ПНР не были бы возможны, ср.: *От главного ботанического сада // Академии наук СССР / в работе этого конгресса / приняло участие // тридцать три человека / и было сделано двадцать докладов //; Ну скажем / вот у вас / четыре / восьмеричных разряда / и вам нужно выделить вот этот разряд //; Значит / от нуля до двухсот / одна страница / от двухсот / до четырехсот / вторая страница / от четырехсот / до шестисот / третья страница / от шестисот до / восьмисот / до семисот семьдесят семь / четвертая страница / а пятая страница / уже тысяча да //*. Меньше разделительных предложений взаимного исключения. Среди предложений закрытой структуры преобладают сочинительно-распространительные с союзом *и*, многочисленны результативные предложения. С союзом *а* больше всего сопоставительных и сопоставительно-распространительных предложений. С союзом *но* преобладают противительно-ограничительные предложения. Употребляются противительно-уступительные предложения. Для УНР характерны некоторые разновидности сложносочиненных предложений с двумя показателями связи между частями — союзом и полусоюзным словом, которые ослабляют смысловую роль союзов, в результате чего возникают варианты с разными союзами (*и в то же время, а в то же время, но в то же время*). От письменной речи УНР отличается широкое включение в схемы сложносочиненного предложения при его реализации частицы *вот*, которая имеет определенную функциональную нагрузку. Другое отличие состоит в тенденций к повтору одного и того же слова в обеих частях сложносочиненного предложения: *Поэтому // любые физические / характеристики / сигнала / о н и дают сведения об этих механизмах / но о н и не могут дать сведения о том / что механизм / был запущен / искусственно //*. При сравнении схем сложносочиненного пред-

ложения в УНР и в УРР (устной разговорной речи) оказалось, что частота использования структурных схем в обеих разновидностях подчиняется одной и той же статистической закономерности. В ПНР рассматриваемых конструкций меньше, они там употребляются реже. Единой статистической закономерности в их употреблении в УНР и ПНР не наблюдается.

Проверялось воздействие и других факторов на частоту употребления. Оказалось, что во всех проявлениях устной монологической речи она одинакова, т. е. не зависит от ее публичности / непубличности, интеллектуализированности / неинтеллектуализированности, тематических, жанровых и индивидуально-авторских особенностей.

В УНР наблюдается стремление к сокращению синтаксической глубины предложений за счет использования сложносочиненных предложений, синонимичных предложениям с придаточными и дееспричастными оборотами в ПНР. Вторая особенность — установка на повышение избыточности текста за счет эксплицитного выражения смысловых связей между отдельными предикативными единицами, а также введения разъясняющих, конкретизирующих, просто повторяющих уже высказанную информацию частей сложносочиненного предложения. На фоне общей статистической однородности в употреблении разными устными научными текстами структурных схем сложносочиненного предложения наблюдается отсутствие такой однородности в использовании конкретных структурных схем, что зависит от передаваемого содержания и индивидуальных особенностей говорящего. Многие общелитературные и письменно-литературные схемы для УНР не характерны (с союзами *в то время как, если... то, однако, с союзом-частицей же* и др.).

Изучение структурных схем сложноподчиненных предложений в УНР, проведенное Г. Г. Инфантовой, показало, что наиболее широко в УНР представлены предложения с определительными присубстантивными и изъяснительными (приглагольными) придаточными. Исследован репертуар вводящих лексических средств. Для изъяснительных предложений их немного. Наиболее частотные глаголы: *сказать, говорить, рассказать, знать, думать, показать, подчеркнуть, считать, видеть*, остальные единичны. Наиболее частотные субстантивные обороты: *дело (в том), вопрос (в том), представление (о том)*. Действие тенденций к экономии и избыточности языковых средств, роднящих УНР с УРР, проявляется в складывании особых типов синтаксических структур на базе включения значения невербализованных компонентов в содержание вербализованных и стяжения последних, а с другой стороны — в повторении, дублировании членов предложения. Наблюдается, например, повторение в главном и придаточном местоименного подлежащего, что не свойственно письменной речи: *Они должны появляться потом / после того как о н и попали в систему / и начали работать*. Такое употребление общелитературной нормы не нарушает, зато ее нарушает очень характерное для устной речи дублирование подлежащего главного предложения после придаточного: *Проблемы // которые стоят перед созданием // этой системы // о н и разные а т и п р о б л е м ы //*. Характерно употребление частицы *вот*.

Сравнение с ПНР и УРР показало, что употребление сложноподчиненных предложений подчинено закономерностям стиля, а не формы речи: по частоте использования этих предложений интеллектуализированная разговорная речь ближе к научной, чем бытовая разговорная. В УНР сложноподчиненные предложения употребляются несколько чаще, чем в ПНР. Атрибутивно-описательных предложений в ПНР оказалось гораздо больше, чем в УНР. Сопоставление использования контактной рамки сложноподчиненного предложения показало, что самая высокая средняя частота (38) наблюдается в ПНР, самая низкая — в РР (19), а в УНР употребление соотносительных слов единой статистической закономерности не подчиняется. В целом сложноподчиненных предложений в УНР не меньше, а больше, чем в ПНР. Видимо, сложность синтаксиса ПНР сравнительно с УНР связана прежде всего со структурой простого предложения при

большом количестве однородных членов, вводных и вставочных конструкций, обособлений, причастных и деепричастных оборотов.

Исследование предикативных конструкций в УНР (С. Г. Костина) показало, что если в ПНР преобладают глагольно-именные устойчивые сочетания типа *вступить в реакцию, прийти во вращение, сделать отступление* и т. д., то в УНР глагольные составляют 15% от общего количества исследованных предикативных конструкций, а глагольно-именные типа *пройти практику, подвести итоги, дать оценку, сделать вычисления* всего 5%. В РР глагольно-именных конструкций почти нет. Таким образом, в УНР ограничено употребление собственно книжной структуры за счет ее общелитературного эквивалента, который имеет здесь свои особенности в виде определенных наиболее частотных способов лексического наполнения. Тот и другой вариант образует соотносительные пары, выстраивающиеся в соотносительные синонимические ряды с полным и неполным набором членов.

Среди книжно-письменных явлений, употребление которых интересно проследить в УНР, в первую очередь обращают на себя внимание такие наиболее характерные для ПНР конструкции, как причастные и деепричастные обороты, а также предложно-падежные сочетания. Все они имеют общелитературные соответствия — в виде разных типов придаточных.

Соотносительность союзной и предложной связи в придаточных предложениях и предложно-падежных сочетаниях при наличии одной функции — детерминанта — создает семантико-синтаксическую соотносительность между этими конструкциями. В ПНР (исследование Н. С. Власовой) широко распространены предложно-падежные сочетания — детерминанты условные (*в случае, при*), условно-временные (*при*), причинные (*вследствие, в силу, в связи, в результате, ввиду, благодаря, из-за, при*), целевые (*для, с целью, в целях*), уступительные (*несмотря на*), временные (*во время, при, после, перед*), соответствия (*по мере, с*), сравнительные (*подобно*). Это — языковое выражение таких качеств научной речи, как абстрактность, экономичность, и потому при выборе из вариативного ряда предпочитают именно эти конструкции. И все же существуют определенные семантико-структурные условия, диктующие выбор придаточного предложения. В целом употребление предложно-падежных конструкций в ПНР превышает употребление придаточных на 10%. В УНР эти конструкции употребляются тогда, когда это требуется жанром и темой, но в целом обобщенно-отвлеченное выражение действия в них не соответствует требованиям устного высказывания (ясности и простоты изложения). При их употреблении они имеют более простой состав и не осложнены пространными цепочками родительных. Из всех предлогов в УНР отдается решительное предпочтение конструкциям с *при* в основном со значением недифференцированных условно-временных отношений, а также качественного изменения состояния и с некоторыми другими значениями, поскольку они грамматически и семантически четко не дифференцированы. Набор стержневых компонентов очень ограничен — это отглагольные существительные с общим значением познания чего-либо (*при изучении, при анализе, при исследовании, при решении, при рассмотрении, при описании, при сравнении, при обсуждении*). Эти сочетания превращаются в клишированные. Соотносительность с придаточными у таких конструкций невелика, и в УНР для выражения разных смыслов гораздо охотнее привлекаются придаточные. Так, например, временной план, выраженный глагольной формой со значением конкретного прошедшего, невозможен в предложениях с условными детерминантными предложно-падежными сочетаниями. Таким образом, из всего богатого книжно-письменного ассортимента средств с весьма разнообразной семантикой в УНР используется практически лишь одно с недифференцированным значением и с весьма ограниченным лексическим наполнением, превратившееся в клише.

То же происходит и при употреблении в УНР причастного оборота (при общем предпочтении придаточного определительного): значение его

чаще всего уточняющее, в большинстве своем эти обороты относятся к словам с широкой семантикой, список которых ограничен и которые обычно нуждаются в семантическом восполнении (наблюдения Э. М. Шпановой). Двепричастные обороты (по наблюдениям Н. М. Краевской и Т. Ю. Кудрявцевой) в УНР менее частотны, чем в ПНР, закрепились здесь в определенных частотных значениях — обстоятельства образа действия и обстоятельства времени — и образуются от глаголов определенных лексико-семантических групп (глаголов конкретного действия — *генерируя, измеряя* и т. п.), глаголов мысли, интеллектуального действия (*придумывая, анализируя* и т. д.) и глаголов говорения (*выступая, обращаясь* и т. п.; частотны и клишированы обороты *иначе говоря, собственно говоря, короче говоря*). Наиболее частотные формы — *давая, работая, учитывая, имея в виду*.

И, наконец, третья группа средств в синтаксисе УНР — устно-разговорные. Для их характеристики были рассмотрены типизированные устно-разговорные синтаксические модели (по номенклатуре автора этой статьи), устно-разговорные текстообразующие средства, слабооформленные построения, конструкции с анафорическим местоимением, разные способы экономии сегментных средств, т. е. основные устно-разговорные синтаксические явления из зарегистрированных и описанных исследователями разговорной речи к настоящему времени. Потребность в столь полном освещении диктовалась спорной природой изучаемой функциональной разновидности литературного языка именно со стороны ее подверженности действию фактора устности, роли и значимости самого этого фактора в формировании функциональной разновидности и конкретных результатов его действия (15); противоположная точка зрения изложена в (20). Кроме того, наиболее характерные черты устно-речевого потока проявляются прежде всего в его синтаксической организации. Оказалось, что с устно-разговорными элементами в УНР положение в принципе такое же, как и с книжно-письменными: все они могут быть употреблены в УНР, но на деле действуют вполне определенные ограничения и обнаруживаются типические случаи допущения. Отличие от книжно-письменных средств в этом отношении: употребление последних регулируется темой и поэтому может колебаться от 0 до n элементов в тексте, употребление же устно-разговорных средств базируется на его сегментном строении и потому в принципе неизбежно в любом тексте.

Согласно исследованию Т. Е. Акишиной и Н. М. Краевской, типизированные устно-разговорные синтаксические модели в УНР проходят этап фильтрации, в результате которой в УНР проникает лишь некоторая их часть, и этап трансформации, в результате которой конструкции видоизменяются. УНР характеризуется малым числом конструкций наложения, единичным употреблением вопросительных конструкций с дополнительной фразовой границей. Наиболее распространенные в УНР типизированные конструкции выступают не во всех своих модификациях. Так, конструкции с именительным темы, насчитывающие в УНР 14 модификаций, в УНР представлены лишь 4 модификациями. Уменьшение количества модификаций облегчает этап трансформации и наоборот — наименьшим трансформациям подвержены конструкции с наибольшим количеством модификаций: с именительным темы, явления словорасположения, конструкции бессоюзного подчинения. Из 6 модификаций конструкции добавления в УНР представлена одна, из 15 модификаций конструкции бессоюзного подчинения — 3, из 3 модификаций конструкции с дополнительной фразовой границей — 2, из 8 модификаций конструкции наложения — 3, из 32 особенностей словорасположения — 7. При трансформациях модели могут: 1) терять существенные признаки; 2) терять несущественные признаки; 3) приобретать новые устойчивые признаки, теряя часть старых.

Монологический характер исследованных текстов обуславливает наличие в них специальных синтаксических средств, выполняющих текстообразующую функцию и отражающих процесс организации и оформления

устного текста. Это инклюзивные фразы, коррекции, слабоформленные построения, которые тоже обнаруживают свою типизацию и свои схемы. Служебные, комментирующие (сопроводительные и мотивирующие) и диверсивные инклюзивные фразы объединяют УНР и УРР, а справочные восходят к вставным конструкциям ПНР, хотя и имеют собственно устро-разговорные особенности в своем оформлении. Лексико-семантические и грамматические коррекции неизбежны в УНР и определяются в своем возникновении соотношением спонтанности речи и требования точности высказывания. Они также дают свою типологию и распадаются на структурно-функциональные группы. Наконец, обилие слабоформленных построений в УНР ведет к появлению их функционально-структурной типизации, что на материале УРР наблюдается не столь отчетливо. Таким образом, наряду с большим количеством моментов тождества УНР и УРР в употреблении типизированных конструкций УРР, инклюзий, самокоррекций и слабоформленных построений наблюдаются и различия, вызванные широким узусом этих явлений в УНР, ведущим к выработке своих классификационных критериев и отбору лишь некоторых признаков и явлений УРР, а также к структурным трансформациям, осуществляющимся сложившимися в УНР способами.

Многообразны в УНР конструкции с анафорическим местоимением. Исследование Т. Р. Коноваловой выявило типы расщеплений по схемам: $N_1 + \text{он}$, $N_1 + \text{там}$, $N_1 + \text{это}$, $N_1 + \text{таков}$, *такой*, *так*, $N_1 + \text{вот кто(что)}$ и некот. др., причем в ряде из них есть отличия от общелитературной или книжно-письменной схемы. Так, в схеме $N_1 + \text{там}$ наблюдается употребление формы именительного, а не предложного, как в письменной речи. Есть свои ограничения на расщепление. Так, структурно-семантические типы микрополей статика легко подвергаются расщеплению грамматического субъекта, а поля локализованного или нелокализованного наличия и модальных отношений — труднее. Не расщепляются типы предложений микрополя идентификации, предложения со значением конкретного действия. Широко используются актуализаторы, в том числе и специфически разговорные (*вот*). Монологический характер речи обуславливает особую роль действия фактора глубины фразы для возникновения в речи анафорического местоимения. Ср.: *И э / вот / э / надо сказать / что / конечно / принадлежность / ученого / или научного учреждения / к тому или иному ведомству / о н а безусловно накладывает / определенный взгляд / на / его / позицию / в технических дискуссиях //; и мы определили что сегодня понимаете / та техника которая требуется для общебыта понимаете / это / кассетные магнитофоны / это / всевозможные / киноаппараты / и другие понимаете приборы на / электродвигателях / о н и как говорится требуют совершенно другого класса понимаете / стабильности скорости / оборотов /*. Глубина фразы оказывается решающим фактором, регулирующим употребление расчленившихся построений в УНР. В целом расщепленные конструкции с анафорическим местоимением в УНР и ПНР не совпадают во всем наборе своих черт. Для именительного лекторского, например, в УНР характерна более слабая пауза на границе темы и ремы, меньшая степень изолированности вычлениемого грамматического субъекта, иной характер экспрессии. С другой стороны, адресованность, отчетливое подчеркивание темы отличают именительный лекторский от разговорных расщепленных построений.

Охарактеризованные особенности употребления разных разрядов языковых средств в УНР могут быть проиллюстрированы и на ином материале — словообразования, текстообразующих признаков, лексико-грамматических разрядов слов. Материал этого рода можно также найти в подготовленной к печати монографии «Современная русская устная научная речь».

Таким образом, если попытаться охарактеризовать избранную для рассмотрения функциональную разновидность литературного языка с точки зрения соотношения используемых в ней разрядов языковых средств, привлечение и узус которых подчиняется действию ряда экстралинг-

вистических факторов и факторов формы и вида речи, то типологию их актива можно представить в следующем виде.

1. Общелитературные средства, составляющие основной корпус всех употребляемых средств, в УНР используются при некоторой корректировке со стороны узуса, которая может проявляться двояко: как предпочтении одних элементов или функциональных значений этих элементов другим и как складывание некоторой суммы отобранных и клишированных способов выражения. В последнем случае мы имеем дело со специфическими средствами, складывающимися в пределах данной функциональной разновидности. В этом проявляется автоматизм в употреблении языковых средств.

2. Книжно-письменные средства, которые широко используются в УНР из-за ее непосредственной тематической соотнесенности с ПНР, также подвержены корректировке узуса, которая заключается в наложении определенных ограничений на допуск в нее многих из этих средств или их функциональных значений. Автоматизм речи проявляется в регулировке фактором темы степени насыщенности речи книжно-письменными элементами и в действии названных ограничений.

3. Устно-разговорные средства широко используются в УНР под воздействием факторов адресованности речи и ее устности, а также функции воздействия. Принципиально в УНР монологического характера могут быть допущены все устно-разговорные средства (кроме собственно диалогических), что позволяет объединять в языковом отношении УНР и УРР в так называемую устно-разговорную разновидность современного русского литературного языка. Однако ситуативно-тематические условия речи создают определенный узус, накладывающий ограничения на употребление устно-разговорных средств или их функциональных значений, а также ведущий к трансформации конструктивных особенностей этих средств. В этом проявляется автоматизм речи.

В результате образуется некоторый набор средств, из которого говорящий может выбрать наиболее соответствующие его коммуникативным намерениям. В этом проявляется свобода в использовании языковых средств. Набор средств обладает признаками системности, поскольку эти средства определенным образом организованы и соотнесены между собой. Системность обнаруживается двояко — в соотнесенности полярно противоположных книжно-письменных и устно-разговорных средств и в соотнесенности всех трех видов средств.

Все сказанное дает возможность рассматривать речь устного научного и, шире, всякого устного публичного общения как арену соприкосновения, пересечения и взаимодействия устно-разговорных и соответствующих теме речи письменно-литературных языковых средств на фоне широкого привлечения средств общелитературных. Исследование жанровых особенностей УНР, проведенное в названной монографии В. Барнетом, дает ему основание для того, чтобы характеризовать УНР не как структурную, но как коммуникативно-функциональную разновидность современного русского литературного языка, отличающуюся высокой степенью проницаемости языковых средств. Именно это последнее качество отличает ее от книжно-письменного стиля (например, научного), где взаимодействуют не три, но два рода средств — общелитературные и книжно-письменные (а специфические для данного стиля складываются на их базе), причем ограничения не накладываются на книжно-письменные, поскольку они являлись специфическими для письменных стилей (в отличие от УНР). И это же качество роднит ее с речью художественной (хотя здесь взаимопроницаемость языковых средств имеет иные функциональные основания) и особенно с речью устно-разговорной, где книжно-письменные элементы достаточно широко и свободно употребляются под воздействием фактора темы.

Необходимость пристального изучения типологии языковых средств в функциональных разновидностях современного русского литературного языка диктуется целью постижения его реального состава, а также тем обстоятельством, что «в современный период и в ближайшем будущем

внутриструктурное развитие литературных языков будет связано главным образом с лексико-семантическими, синтаксическими и стилистическими системами» [21]. При этом следует направлять исследовательское внимание не только в сторону определения типологии языковых средств внутри отдельных функциональных разновидностей, но также в сторону определения типологии языковых средств, соотносящей между собой эти разновидности. Такая соотносительность проявляется в существовании вариативных соотношенных между собою рядов средств [см. 11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (К постановке проблемы). М., 1977.
2. Верховской П. В. Письменная деловая речь. М.—Л., 1931, с. 31.
3. Петрищева Е. Ф. Стилль и стилистические средства (Обзор взглядов советских лингвистов). — В кн.: Стилистические исследования. М., 1972, с. 159 и др.
4. Лаптева О. А. — ВЯ, 1979, № 1, с. 147—148. — Рец. на кн.: Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (К постановке проблемы). М., 1977.
5. Лаптева О. А. Современная русская публичная речь в свете теории стиля. — ВЯ, 1978, № 1.
6. Костомаров В. Г. Вопросы культуры речи в подготовке преподавателей-русистов. — В кн.: Теория и практика преподавания русского языка и литературы. Роль преподавателя в процессе обучения: Доклады советской делегации на IV конгрессе МАПРЯЛ. М., 1979.
7. Васильева А. Н. Функциональное направление в лингвистилистике и его значение в преподавании русского языка как иностранного; Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1981, с. 42.
8. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1977, с. 39.
9. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. — ВЯ, 1955, № 1, с. 78.
10. Сквородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: Дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Л., 1982, с. 141 и сл.
11. Лаптева О. А. Типология вариативных синтаксических рядов в аспекте функционирования литературного языка. — ВЯ, 1984, № 2.
12. Виноградов В. В. Русский язык в современном мире. — РР, 1970, № 1, с. 10, 11.
13. Русская разговорная речь. Отв. ред. Земская Е. А. М., 1973.
14. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. Отв. ред. Земская Е. А. М., 1981.
15. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. Отв. ред. Земская Е. А. М., 1983.
16. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
17. Лаптева О. А. Расположение компонентов в группе «определяемое — одиночное согласованное определение» в современной устно-разговорной речи. — В кн.: Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.
18. Лаптева О. А. Дискретность в устном монологическом тексте. — В кн.: Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. (Виноградовские чтения. XI). М., 1982.
19. Лаптева О. А. Синтаксическая дискретность устного монологического текста. — В кн.: Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст (Виноградовские чтения. XII—XIII). М., 1984.
20. Земская Е. А., Ширяев Е. Н. Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? — ВЯ, 1980, № 2.
21. Азимов П. А., Дешериев Ю. Д., Никольский Л. Б., Степанов Г. В., Швейцер А. Д. Современное общественное развитие, научно-техническая революция и язык. — ВЯ, 1975, № 2, с. 11.
22. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982, с. 341.